

25.12.2015 | Еще раз о рыбаке и рыбке

рассказ (впервые опубликован в 2013 году: <http://stihi.ru/2013/08/12/9259>)

посвящается всем кверулянтам

Иван Петрович Зайчиков после выхода на пенсию три года скучал. Смотрел в окно, слонялся из угла в угол, пару раз пытался встретиться с коллегами по работе, но оказалось, что кроме работы у них нет общих интересов, а частота поломок автобусов и виртуозные матерные высказывания бывшего механика уже мало трогали Ивана Петровича.

И вот совсем недавно у пенсионера появилось хобби.

Узнав из телевизора, что он называется великим именем «Гражданин» и имеет соответствующие права, Иван Петрович начал эти самые права изучать (чтобы потом начать их «качать»). Пообщавшись со своей скандальной соседкой с нижнего этажа бабкой Дуней, которая, по её словам «спуску никому не давала и не даст никогда», и с наркоманом Лёней из третьего подъезда, который всегда приговаривал «мы законы знаем, нас за фуфло в кутузку не упрячешь», Зайчиков проникся блаженной мыслью, что ему все вокруг должны, а он по воле этих самых злобных «должников», изо всех сил скрывающих свои обязанности, раньше-то ничего и не знал. Осознание того, сколько людей, а в первую очередь, организаций, должны ублажать скромный быт пенсионера, сначала привело Ивана Петровича в неопикуемый восторг, а через некоторое время вызвало праведный гнев.

- Я всю жизнь водил автобус! - возмущённо высказывал Зайчиков бабке Дуне. - Всю жизнь провёл в грязи, в бензине, в масле, на ветрах и холодах! Как зимой баллон пробьёшь, гайки крутишь, железо к рукам примерзает, с днища масло, грязь капает, пассажиры возмущаются. А ватничек-то рваный, один на год выдают, и сапоги такие, что с двумя носками шерстяными ноги промерзают! И ни разу, - он многозначительно вздёргивал вверх указательный палец, - не прогулял! И вообще от работы не отлынивал! А эти, - Иван Петрович презрительно разводил руками, - сидят в тепле, работать не хотят, и ведь ничегошеньки не знают, ни в работе своей, ни в жизни!

- Правильно, Ваня! - выкрикивала Дуня. - Не давай им спуску! Всё на нашем горбу, всё за чужой счёт! И ходят тут, важные все! Вам, говорит, пенсию повысили на девяносто рублей! А себе в карман не меньше тыщи триста небось моих кровных сунул! А эта пришла! У Вас, говорит, долг за квартиру почти четыреста рублей! А за что платить,

когда вода грязная, крыльцо без перил, и лампочку мне в ванной бесплатно менять отказалась?! Я-то управу найду на них! Никому спуску не давала, и им не дам! Давай, Ваня, давай! Хватит им за наш счёт на кривой кобыле в рай!

- А что, Петрович, - глубокомысленно спрашивал Лёня, - когда зимой колёса крутил, пассажирам-то твоим холодно было?

- Так мотор-то я глушил, чего зря бензин жечь? - назидательно отвечал Зайчиков. - А без него и печка молчит. Так они-то в салоне, а я на ветру, на морозе, да на земле, под автобусом. Они мне: «За билет уплачено, мы опаздываем», а я с них деньги что, себе в карман брал? Моё дело — баранку крутить, да на дорогу поглядывать, а я на ветру, да с железяками. Могли бы и помочь, пассажиры чёртовы! А то сидят, покрикивают. Им-то сиди, да жди, а мне мучайся! Вот так на чужом горбу всё норовят! - Иван Петрович гневно сверкал глазами. - Мы-то в своё время жилы рвали, а эти теперь! Всё командуют, да рассуждают, и нас же ещё жить учат!

- Да, Петрович, - согласно кивал Лёня, - у меня батя всю жизнь пахал, пока не помер по пьянке, и я решил — задарма на этих уродах работать не буду! Чтоб мне потом хорошие люди, как ты, не плевали в спину и не говорили, что я никчёмный, как эти, во фраках. Мы нынче тоже грамотные, знаем, что нам государство должно, а чего нет, что брать можно, а к чему не прикасайся. Нас за всякое фуфло за хобот не возьмёшь!

Воодушевлённый разговорами с людьми, которых Зайчиков уважал за их жизненную позицию, выраженную, в первую очередь, в их нетерпимости к несправедливости, Иван Петрович отправлялся на променад, во время которого тщательно выискивал недоработки ответственных организаций и отдельных лиц, скрупулёзно помечал их в блокнотике, чтобы потом предъявлять претензии и заставлять всех работать так, как положено. Это и было его страстное хобби, которому он с удовольствием отдавался всей душой.

И, надо сказать, Зайчиков добился определённых результатов в своей деятельности.

Месяц назад после жалобы Ивана Петровича в ГИБДД и Автодорожный надзор был восстановлен дорожный знак «Пешеходный переход», уроненный ураганом полгода назад. На позапрошлой неделе лишили премии продавца из хлебного магазина, которая нахамила одному из покупателей. Неделю назад управляющая компания закончила ремонт в подъезде Зайчикова.

Но Иван Петрович не успокаивался на достигнутом, более того, он считал все действия организаций, которые он заставил-таки работать, лишь полумерами. И сейчас прокуратура и администрация города рассматривала заявление о том, что высота восстановленного дорожного знака ниже положенной (правда, Зайчиков не знал, кем и какая была положена высота, и регламентировалась ли она вообще). Продавца магазина лишили премии, а Зайчиков требовал её уволить, и сейчас его жалобы на этот магазин рассматривали и налоговая инспекция, и санэпидстанция, и, опять же, прокуратура и администрация. А управляющая компания покрасила стены в подъезде сочной синей краской, а этот цвет Иван Петрович очень не любил, поэтому в данный

момент по заявлениям пенсионера жилищная инспекция и прокуратура готовились к проверке деятельности управляющей компании.

* * *

В один из тёплых осенних дней Иван Петрович возвращался с дачи, где он два дня выкапывал картошку. Уставший, но довольный большим урожаем, он неторопливо шагал от железнодорожной станции к своему дому. По дороге Зайчиков хотел зайти в тот самый магазин, в котором его усилиями продавец была лишена премии, чтобы купить хлеба и, естественно, проверить обстановку.

К его неудовольствию магазин был закрыт, причём, судя по всему, на длительный срок — рабочие в синих комбинезонах перетаскивали какие-то стройматериалы, прилавки были переставлены в один угол и укрыты полиэтиленом.

- Что случилось? - поинтересовался Зайчиков. - Надолго ли магазин закрыт?

- Месяца на три-четыре, - охотно пояснил один из рабочих. - Тут какая-то проверка была, продуктами запретили торговать, теперь помещение переделаем, будет здесь бытовая техника.

- А продукты? - растерянно спросил Зайчиков. - Ведь ближайшая булочная в километре отсюда...

- А мы-то причём, отец? - бодро ответил рабочий. - Еду нельзя продавать, будут технику, с ней и проблем меньше, и доход, наверно, такой же. Мы-то вообще только ремонтом занимаемся, хозяину виднее.

- А по чьему такому разрешению?! - пошёл в атаку Зайчиков. - Теперь что, люди должны километры за хлебом ходить? Ну, я этого так не оставлю! Что у нас, что хочешь, то и делай? А власти куда смотрят?

- Да не переживай ты так, - примирительно протянул рабочий. - Власти же и запретили продуктами торговать, я ж тебе говорю. А магазин — частный, нельзя продуктами, будут техникой, тебе-то что? Помещение выкуплено, захотят — вообще на замок закроют, да и всё, а захотят — какую-нибудь парикмахерскую откроют, тут уж не мне и не тебе решать. Теперь частная собственность...

Зайчиков хотел было ещё что-нибудь добавить, но понял, что здесь он ничего не добьётся. Обида, что теперь за хлебом надо идти в такую даль, наполнила душу Ивана Петровича такой горечью, что он решил сначала зайти домой, отдохнуть, а потом уже идти в магазин. К тому же очень хотелось обсудить ситуацию с Дуней или с Лёней, а лучше — с обоими.

Зайчиков уныло подошёл к пешеходному переходу, и вдруг заметил, что перехода больше нет. Дорожный знак, который благодаря усилиям Ивана Петровича был восстановлен, теперь вовсе отсутствовал, а от «зебры» остались лишь грязно-белые размывы на асфальте. И, как назло, вереница машин двигалась и в одну, и в другую сторону, и никто не собирался уступить дорогу пенсионеру.

Тоскливо поглядев по сторонам и не обнаружив поблизости ни одного перехода,

Зайчиков неуверенно шагнул на проезжую часть и тут же чуть не попал под колёса иномарки, водитель которой свирепо нажал на клаксон и погрозил пенсионеру кулаком. Немного помедлив, Иван Петрович короткими перебежками, едва не столкнувшись с ещё одной машиной, с трудом пересёк дорогу и торопливо свернул в свой двор.

Настроение было окончательно испорчено, и Зайчиков, предвкушая, как он будет расправляться с нерадивыми дорожниками и владельцем продуктового магазина, задумчиво подошёл к своему подъезду. И тут его ждало ещё одно разочарование! Недавно установленная металлическая дверь исчезла, а её место на входе в подъезд заняла старая деревянная скрипучая дверь, не крашенная уже лет десять. Заржавевшие петли были прикреплены толстыми загнутыми гвоздями к разбухшей от влаги древесине. Покорёженная от времени и небрежного обращения дверь даже не закрывалась до конца, качаясь на ветру и издавая неприятный скрип.

Зайчиков вошёл в подъезд и остолбенел. Вместо новеньких недавно установленных почтовых ящиков, к стене были небрежно приколочены ржавые железные коробки, которые висели здесь с того самого времени, когда Иван Петрович поселился в своей нынешней квартире. Побелка на потолках была частично смыта и размазана, краска на стенах была местами смыта, местами содрана вместе со штукатуркой, кое-где на стенах проступили надписи, которыми ещё недавно, до ремонта был изрисован весь подъезд, новенькие стеклопакеты отсутствовали, их место заняли старые деревянные некрашенные рамы с заляпанными побелкой и грязью стёклами.

Поражённый, Иван Петрович медленно двинулся вперёд и тут заметил, что в его почтовом ящике лежат два конверта. Зайчиков осторожно взял два письма из незакрывающегося ящика и стал медленно подниматься по лестнице.

Придя домой, Иван Петрович, всё ещё не выходя из задумчиво-растерянного состояния, снял куртку и ботинки, прошёл на кухню и включил чайник, после чего решил прочитать письма.

Первое оказалось из ГИБДД, в нём сообщалось, что благодаря внимательности Зайчикова И.П. и его знанию законов, было устранено серьёзное нарушение — ликвидирован дорожный знак, не соответствующий техническим требованиям. Поскольку знак был ликвидирован, пришлось ликвидировать и пешеходный переход. Далее сообщалось, что в текущем году средств на закупку знака у организации, обслуживающей дороги, не имеется, поэтому указанная организация обратилась к властям и рассчитывает получить деньги из бюджета в следующем году. После чего, как заверяли Зайчикова, дорожный знак будет установлен, переход восстановлен, а до того момента оборудовать отвечающий всем требованиям пешеходный переход, к сожалению, невозможно.

Иван Петрович молча вскрыл второе письмо. К нему обращался директор управляющей организации, который сразу извинился за самовольно принятое решение о цвете используемой при ремонте подъезда краски и сослался на то, что решение такого рода вопросов относится к компетенции общего собрания собственников помещений.

Поскольку общее собрание не проводилось, управляющая компания по возможности точно восстановила предыдущее состояние подъезда и теперь прежде, чем начать ремонт, ждёт разрешения от собственников с указанием всех параметров требуемого ремонта вплоть до цвета краски и количества используемых гвоздей. Директор управляющей компании хвалил «активную жизненную позицию» Зайчикова и предлагал ему инициировать общее собрание по вопросу ремонта подъезда, отмечая, что без соответствующего решения и без правильно и своевременно оформленных документов ремонт подъезда, конечно же, невозможен. В конце письма директор ещё раз похвалил Ивана Петровича за его ответственный грамотный подход к делу, удержавший управляющую организацию от нарушения закона.

Иван Петрович задумчиво уставился в окно. Последовательность действий, всегда так легко им определяемая, сейчас никак не хотела складываться в его голове. Немного посидев, он решил, что всё-таки надо сходить за хлебом, как следует перекусить, а потом уже решать, как поступить.

Когда Зайчиков с мятым пакетом в руке проходил мимо квартиры соседки с нижнего этажа, Дуня выскочила на площадку и уважительно выкрикнула:

- Привет, Иван Петрович! А ты молодец! Добился-таки своего! Цвет не тот у стен, пусть теперь побегают, да в другой покрасят. Ничего, у них-то этой краски сколько хошь! Всё экономят, самой дешёвой стены разрисуют и думают, мы промолчим. Никакого им спуска! А то взяли моду — работать не хотят, всё тят-ляп!

- Тут бы это, - задумчиво начал Зайчиков, - надо бы собрание...

- Какое такое собрание? - заинтересовалась Дуня.

- Письмо мне пришло, - нерешительно пояснил Иван Петрович. - Пишут, что надо цвет стен выбрать собранием. Ну, жильцы все соберутся и решат. Документы потом какие-то оформить...

- Какое собрание?! - возмутилась Дуня. - Это они сами работать не хотят! Чуть что, мы всё у них должны! Собрания им собирай! Может, нам и подъезд покрасить самим? Им же всё некогда! Только деньги с нас требуют! Не сдавайся, Ваня, не давай им спуска! - и Дуня тут же перешла к своим проблемам, - Я вот позавчера-то в магазине банку с повидлом уронила, и вдребезги! И платить, говорю, не буду, это продавцы криворукие! А они, мол, плати или мы милицию! Всё норовят обмануть! Ну я-то им спуска не дам! Я-то знаю, как должно быть! Банка вся грязная и скользкая, и она мне не в руки дала, а бочком всё, чтоб, значит, к бабке-то и не притрагиваться! Брезгливая, значит. А я не человек что ли? Или, может, в воздухе ловить надо? Нет уж, никакого спуска...

Иван Петрович вдруг вышел из задумчивости, как-то презрительно глянул на Дуню и неожиданно даже для себя выкрикнул:

- Да пошла ты со своим повидлом и со своим спуском! — и, отодвинув опешившую соседку плечом, Зайчиков решительно зашагал по лестнице вниз.

Когда Иван Петрович, выйдя на улицу, в сердцах хлопнул незакрывающейся подъездной дверью, вслед ему ещё неслись истеричные крики Дуни:

- Никому никогда спуску не давала и тебе, Ванька, не дам!...

Автор:Нифонтов Д.Ю.